

В. А. РОМОДАНОВСКАЯ

К характеристике интерлинейарной части Чудовской латинской Псалтири*

В Чудовском собрании Государственного Исторического музея, за № 53 (29), хранится весьма примечательная рукопись, об уникальности которой можно говорить со всеми основаниями. Рукопись представляет собой полный текст Псалтири на латинском языке, переписанный кириллицей. Текст Псалтири, включающий 150 канонических псалмов (л. 1—177 об.), дополняют два блока библейских песен и молитв, также на латинском языке в кириллической транскрипции. Первый блок (л. 178—193 об.) соответствует католической традиции и включает следующие тексты: Молитва пророка Исайи (Ис. 12), Песнь Иезекии (Ис. 38:10—20), Песнь Анны (1 Цар. 2:1—10), 1-я Песнь Моисея (Исх. 15:1—19), Молитва пророка Аввакума (Авв. 3), 2-я Песнь Моисея (Втор. 32:1—43), Песнь трех отроков (Дан. 3:57—88), Песнь Захарии (Лк. 1:68—79), Песнь Богородицы (Лк. 1:46—55), Молитва Симеона (Лк. 2:29—32), а также *Te Deum* и *Symbolum Athanasii*. Во второй блок (л. 194—207 об.) включены песни и молитвы, принятые в Восточной церкви:¹ 1-я Песнь Моисея (Исх. 15:1—19), 2-я Песнь Моисея (Втор. 32:1—43), Песнь Анны (1 Цар. 2:1—10), Молитва пророка Аввакума (Авв. 3), Песнь пророка Исайи (Ис. 26:1—21), Молитва пророка Ионы (Иона. 2:3—10), Молитва Азарии (Дан. 3:26—45), Песнь трех отроков (Дан. 3:57—88), Песнь Богородицы (Лк. 1:46—55), Песнь Захарии (Лк. 1:68—79).

Первый, католический, блок библейских песен (л. 178—193 об.) содержит также интерлинейарный перевод латинского текста на русский язык, вписанный в широкие расстояния между строками основного текста. Перевод вписан той же рукой, которой принадлежит основной текст, однако несколько позже (другими, чуть более темными чернилами). Очевидно, для интерлинеара готовилась вся рукопись: расстояния между ее строками чрезвычайно велики, а на л. 150 об. (Пс. 118:73) также между двумя строками вписан небольшой фрагмент перевода.

Рукопись ГИМ, Чудовское собр., № 53 (29) (далее — Чудовск. 53 (29)) написана на бумаге с филигранью «три горы с большим крестом, обвитым змеей», типа Брике, № 11831, датируемой 1480 г. Формат рукописи — 4°, рукопись написана на 207 л., переплет — XVI в., «в затылок», характерный для Чудовского монастыря. Рукопись не содержит каких-либо записей относительно ее назначения или происхождения, однако

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, грант № 00-04-00157а, и Фонда Александра фон Гумбольдта

¹ Ср. Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 23

глубокий интерес новгородских книжников к латинским библейским текстам и специфический полууставный почерк, подобный тому, каким написаны многие рукописи, ведущие свое происхождение из Геннадиевского литературного кружка,² наталкивают на мысль о связи латинской кириллической Псалтири с кружком архиепископа Геннадия.

Несмотря на свою уникальность, рукопись Чудовск. 53 (29) практически не привлекала к себе внимания исследователей. Лишь в 1920-е гг. ей был посвящен небольшой фрагмент в «Очерках католического влияния...» А. Д. Седельникова,³ определившего основное назначение рукописи как исключительно учебное. Однако необходимо отметить, что латинская кириллическая Псалтирь содержит также двойную лекционарную разметку: текст Псалтири разделен на традиционные в Восточной церкви кафизмы и слав, а, кроме того, псалмы и библейские песни первого (католического) блока содержат деление на фери и глории — чтения, принятые в католической церкви и характерные для служебных западноевропейских Псалтирей XV в.⁴ Этот факт позволяет предположить, что Чудовская Псалтирь могла предназначаться не только для обучения латинской грамоте, но и для ознакомления с латинским богослужением (если не для проведения его).

Кроме того, в Чудовскую Псалтирь были включены надписания псалмов, присутствующие как в древнейших славянских рукописях, так и в тексте Псалтири Геннадиевской библии. Для иллюстрации тождества надписаний Чудовской Псалтири и Геннадиевской библии приведу лишь несколько примеров.⁵

² Характеристику почерков писцов Геннадиевского кружка см. в кодикологических описаниях Геннадиевской библии (Левочкин И. В. Кодикологическая характеристика Геннадиевской библии // Федоровские чтения 1981 М., 1985 С. 90—96, Смирнова Э. С. Лицевые рукописи Великого Новгорода XV век М., 1994 С. 387—392, Костюхина Л. М. Палеографическое описание рукописи // Русская Библия М., 1998 Т. 9 С. 508—511), а также в описании библейских рукописей Геннадиевского кружка (Ромодановская В. А. Распространение переведенных с латыни частей Геннадиевской библии I Рукописи XV—первой трети XVI в. // Источники по русской истории и литературе Средневековья и Новое время Новосибирск, 2000 С. 8)

³ См. Седельников А. Д. Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV—начале XVI в. // Доклады АН СССР Л., 1929 Сер. В № 1 С. 16—19

⁴ См. Ромодановская В. А. Кириллическая латинская Псалтирь XV века из Новгорода // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве» Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России, 27—29 августа 2000 года, Ярославль—Рыбинск Ярославль, 2001 С. 166—171 К сожалению, в этой статье мною была допущена досадная неточность. Деление на фери, содержащееся в латинской кириллической Псалтири, свойственно не только бенедиктинской традиции, но присутствует и в ряде служебных печатных латинских Псалтирей, с которыми мне удалось познакомиться лишь в Государственной библиотеке Баварии (Мюнхен) и библиотеках университетов Вюрцбурга и Гейдельберга. Как пример наиболее близкой Чудовск. 53 (29) латинской служебной печатной Псалтири назову издание *Psalterium Pataviense Mit Kalendarium, Ordinarium officii, Cantica, Tedeum, Symbolum Athanasianum, Allerheiligenlitorei, Collectae und Oraciones Im Anfang Suffragia, Hymnar und Commune Sanctorum* [Wien Johann Winterburger C. 1494—1498], а также лекционарную разметку в *Psalterium latino-germanicum* [Straßburg Dr. d. H. Ariminensis (—Georg Reyser?) C. 1474]. Возможно, дальнейшие исследования определят и конкретный оригинал, которым пользовались русские книжники.

⁵ Здесь и далее тексты приводятся по правилам ТОДРЛ современным гражданским шрифтом, титла раскрываются, выносные вносятся в строку в круглых скобках, конечный ѣ опускается, ѡ передается как «пс», ѧ — как «кс», ѱ — как «о», Ѵ и Ѷ — как «у», Ѧ — как «я», Т — как «и», Ф — как «ф», З — как «з». Сохраняется лишь Ѣ, а также Ѧ в тех случаях, когда это важно для морфологической характеристики. В латинских текстах, непривычных в русской транскрипции, я придерживаюсь более строгого следования рукописи, в частности, сохраняется буква ѧ — во избежание путаницы с сочетанием «кс».

Геннадиевская библия, ГИМ, Синод 915		Чудовская латинская Псалтирь, ГИМ, Чудовск 53 (29)	
Пс 3	псалом Давидов, внегда о(т)бѣга- ше о(т) лица Авесолома сына свое(г)	псалом Давидов, внегда о(т)бѣгаше о(т) лица Авесолома сына своего	
Пс 5	в конец о наслѣ(д)ствующи(х)	в конец о наслѣ(д)ствующи(х)	
Пс 38	Псало(м) Давидов в конец О Идифумѣ пѣснь Давида	Псало(м) Давидов в конец О Идифумѣ пѣснь Давидова	
Пс 89	в конец О измѣнши(х)ся свѣде- ние Асафово псалом о Асирии	в конец О измѣнши(х)ся свѣдѣние Асафово псалом о Ассирии	

Важно отметить, что для славянских надписаний псалмов место было оставлено изначально, при написании латинского текста, и, как правило, его оказывалось вполне достаточно для размещения надписания. Точно так же были оставлены (а позднее — заполнены) пустоты для славянской «славы» — в то время, как «глория» писалась одновременно с основным текстом. Исходя из этого, можно сделать вывод, что исходным оригиналом для Чудовской Псалтири была служебная латинская Псалтирь, а позже латинский текст был сверен со славянским — и в него внесены соответствующая разметка и надписания псалмов.

Этот факт дает почву для дальнейших размышлений о назначении Чудовской Псалтири, однако этим не исчерпывается представляемый сегодня источник. В этой рукописи можно усмотреть также богатый материал для филологических исследований.

Для переводных произведений древнерусской литературы характерной являлась передача иноязычных слов в кириллической транскрипции, однако в данном случае мы имеем дело не с отдельными словами, но с большим и связным текстом, и этот факт, безусловно, будет небезынтересен специалистам по средневековой латинской фонетике.

С точки же зрения русской филологии особо пристального внимания заслуживает параллельный латинско-русский текст библейских песен первого (католического) состава. Библейским переводам различных эпох и конфессий свойствен был как основной принцип *буквализм*,⁶ однако библейские песни Чудовской Псалтири представляют собой уникальный для русской рукописной традиции образец *подстрочного* (точнее — *надстрочного*: русский текст вписан над строкой) перевода, создающего особый тип параллельного текста.⁷ Определение критериев подстрочного перевода, несомненно, внесет и некоторую ясность в историко-культурную обстановку, в которой создавался этот памятник.

Подстрочный перевод, сопровождающий оригинальный латинский текст, не дает оснований говорить о синтаксических особенностях, поскольку последние необходимо диктуются латинским оригиналом. Однако именно наличие латинского текста позволяет не реконструировать источник перевода, а с уверенностью и определенностью исследовать грамматические и лексические принципы. На некоторых проблемах, возникающих в ходе

⁶ См., в частности, основополагающую работу Джеймса Барра Barr J The Typology of Literalism in ancient biblical translations Göttingen, 1979 Буквалистские принципы перевода с латыни в Геннадиевской библии наиболее полно описаны в диссертации Г. Фрайдохфа Freidhof G Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81) Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Judith, Sapientia und Makkabaer Frankfurt am Main, 1972

⁷ Кроме Чудовской Псалтири известен также список Грамматики Доната в переводе Дмитрия Герасимова, представляющий параллельный латинско-русский текст. Этот список хранится в Архангельском собрании БАН, и недавно вышла из печати его публикация, подготовленная Витторио Томеллери Tomelleri V S Der russische Donat Vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik / Historisch-kritische Ausgabe Köln, Weimar, Wien, 2002

исследования и связанных с морфологической интерференцией, мне и хотелось бы, в рамках постановки темы, остановиться в предлагаемой статье

Подстрочный перевод библейских песен в Чудовской Псалтири не содержит иноязычных (латинских) элементов, за исключением имен собственных. При этом с точки зрения морфологии важно отметить, что, как правило, имена собственные приобретают славянскую грамматическую форму, например, *кантику(м) Анне* — *пѣние Аннино* (л. 179), *кантику(м) Абакук* — *пѣснь Аввакума* (л. 182), *кантикум Симеонис* — *пѣние Симеоново* (л. 190), *имнус сиве кантику(м) Амбросии еть Аугустини* — *пѣснь или пѣние Амбросиа и Ау(гу)стина* и т. д. Последний пример наглядно иллюстрирует, что знакомство с грамматически освоенными именами собственными отнюдь не было ограничено славянским текстом Псалтири. Однако как в заглавиях песен, так и в текстах их встречаются и грамматически неоформленные вкрапления, употребление которых представляется едва ли не преднамеренным. Во всяком случае речь не идет о латинских вкраплениях, ибо эти формы не соответствуют *Gen.* латинского текста, но представлены в «назывной» форме, т. е. в форме именительного падежа. Наиболее ярки следующие примеры: *пѣние Езекиа* — *кантику(м) Езекие* (л. 178), *по(д)градны(х) Гоморра* — *субъурбанис Гоморре* (л. 186). Объяснить их употребление сложно, поскольку в большинстве случаев латинский *Gen.*, в том числе и имен собственных, передается, в соответствии с традицией славянских переводов, притяжательным прилагательным, например: *князи Едомстии, силнии Моавитстии* — *принсипес Едомь, робустось Моабь* (л. 181 об.), *о(т) горы Фараньския* — *де монте Фаран* (л. 182), *земля Мадиамя* — *терре Мадиамя* (л. 182 об.).

Сложившейся традицией обусловлены встречающиеся в тексте формы двойственного числа для «парных» существительных. В подстрочном переводе библейских песен в *Dual.* употребляются существительные в *Ass.*, женского и среднего родов, например, *укрѣписта руцѣ твои* — *фирмаверунт манушь тые* (л. 181 об.; в данном случае в двойственном числе употребляется и аорист: *укрѣписта*), *руцѣ свои въведе(т)* — *манушь суас леваби(т)* (л. 182 об.), *положи(т) нозѣ мои* — *понеть педесь меос* (л. 183 об.), *простреть крылѣ свои* — *еѣпандить алас суас* (л. 184 об.). Однако формы *Dual.* не отмечены для других падежей «парных» существительных, например: *очи мои* — *окули меи* (л. 178 об., 190), *в руках его* — *инь манибус еюс* (л. 182), *пре(д) ногами его* — *анте педесь еюс* (л. 182), *словеса уст мои(х)* — *верба орис меи* (л. 183 об.). Этот факт объясняется как достаточной искусственностью форм двойственного числа, так и отсутствием предпосылок для употребления такового в латинском оригинале.⁸

В подстрочном переводе гораздо более, нежели в латинском тексте, распространен *Vocativ*, и это употребление можно назвать естественным, принимая во внимание назначение текста. Так, например, в латинском тексте форма *Voc* применяется лишь в отношении к словам *Домине* 'Господь' и *Христе* 'Христос', что совершенно закономерно передается славянским *Вос Господи* и *Христе*, однако в подстрочнике *Voc.* мы видим также в соответствии латинскому *Nom* *Деус* (Бог), *Салватор* (Спаситель), *пуерь* (отроча).⁹ По сравнению с латинским текстом частотность *Voc.* в подстрочнике гораздо выше, однако он отсутствует абсолютно в

⁸ Ср такую же ситуацию с употреблением форм *Dual* в переведенных с латыни текстах Геннадиевской библии См Freidhof G Vergleichende sprachliche Studien S 98—99

⁹ Переводы «латинских» книг Геннадиевской библии в употреблении *Voc* необходимо следуют за латинским оригиналом См Freidhof G Vergleichende sprachliche Studien S 83, 88

Песни трех отроков (Дан. 3:57—88; л. 187 об.—188 об.). Напомню, что Песнь трех отроков основана на риторическом повторе, своего рода рефрене, первый фрагмент которого звучит так: «Благословите вся дѣла Господни Господу, хвалите и превозносите Его в вѣкы» («Бенедисите omnia opera Домини Домино, лаудате еъ суперъесалтате еумъ инъ секула»). Повторяется эта фраза 31 раз, каждый раз в ней меняется лишь подчеркнутое мною в примере обращение, однако в подстрочнике Чудовской Псалтири ни разу не использована форма *Вос*. Возможно, это связано с постоянным употреблением императива и чередованием единственного и множественного чисел обращения, а возможно — именно с риторическим повторением, когда интонационное ударение на *Вос*. препятствовало бы ритмическому строю текста.

При употреблении притяжательных местоимений в *Nom* и *Ass pl.* в подстрочном переводе весьма часты старославянские формы с окончанием *-а*, например: *кости моа* — *осса меа* (л. 178 об.), *грѣхы моа* — *пеката меа* (л. 179), *врагы моа* — *инимикос меос* (л. 179 об.), *супостаты моа* — *адверсариос меос* (л. 180 об.), *кости моа* — *оссибус меис* (л. 183), *стрѣлы моа* — *сагиттаъ меас* (л. 185 об., 187). Однако наряду с этим в тексте присутствуют и русские формы с окончанием *-и*; приведу ряд примеров: *очи мои* — *окули mei* (л. 178 об., 190), *людие твои* — *популусъ туус* (л. 181 об.), *врази наши* — *инимиси ностри* (л. 185 об.). Возможно, что употребление русских форм притяжательных местоимений в последних двух случаях связано с тем, что местоимения *твои* и *наши* менее частотны по сравнению с *мои*. Русская форма *мои* в «*очи мои*» говорит об очевидном «сбое» в использовании грамматической формы. Подобный же «сбой» характеризует и переводы «латинских» книг Геннадиевской библии.¹⁰ Я не могу исключить объяснения этого «сбоя» влиянием латинского оригинала. Действительно, в наших случаях, при очевидной тенденции к употреблению старославянского окончания *-а*, русская форма на *-и* обнаруживается: а) в случаях *Nom. masc. pl.* в латинском тексте (*mei* — *mei*, *nostri* — *nostri*), и тогда не исключена возможность формального влияния латинского окончания; б) в случае *Nom. masc. sing.* *populus tuus* (*populus tuus*), при переводе которого происходит замена единственного числа множественным, возможно влияние семантическое: *твои* может являться в данном случае и возникшим как калька *Nom. masc. sing.*, во всяком случае оба варианта приемлемы как омоформы. В текстах же Геннадиевской библии переводчик в большей степени следует также и фонетическому облику латинского оригинала: старославянская форма на *-а* используется, как правило, в тех случаях, когда содержится *-a-* в окончании латинского местоимения.¹¹

Морфология глагола в подстрочном переводе библейских песен Чудовской Псалтири в основном соответствует «латинским» книгам Геннадиевской библии; особый интерес представляет система прошедших времен.

Ведущее место среди форм прошедшего времени в славянском тексте библейских песен занимает аорист. Можно назвать устойчивым соотношением «славянский аорист» — «латинский перфект», причем независимо от того, активный или депонентный глагол присутствует в латинском

¹⁰ См. Ibid S 100

¹¹ Ср., к примеру *раби твои* — *servi tui* (1 Пар 21 3), *людие мои* — *populus meus* (1 Пар 28 2), *отроки твои* — *pueri tui* (2 Езд 2 17), *жены наши* и *сыны наши* — *uxores nostras et filios nostros* (1 Мак 3 20, в данном случае не исключено влияние первой формы *наши* на вторую), *наследия наши* — *hereditates nostrae* (1 Мак 6 24), *врази наши* — *inimici nostri* (1 Мак 12 15), *люди моа* — *gentem meam* (1 Мак 13 6), и т. д.

тексте. В частности, именно аорист соответствует перфекту в 1-м л. ед. ч., например: *рѣ(х) — диѣи* (л. 178 об.), *възвеселихся — летата сумъ* (л. 179 об.), *услышиа(х) — аудиви* (л. 182), *убояхся — тимуи* (л. 182), и т. д.

Отмечено всего три случая перевода формами аориста латинского перфекта 2-го л. ед. ч., приведу все: *низложи — депозуисти* (л. 180 об.), *избави — редемисти* (л. 181), *стяжа — по(с)седисти* (л. 181 об.). В переводах Геннадиевской библии подобные соответствия не отмечены.

Огромное количество примеров иллюстрирует аорист, соответствующий латинскому перфекту, в 3-м л. ед. ч., приведу лишь некоторые из них: *нападе — суксидить* (л. 178 об.), *възрадовася — еѣултави(т)* (л. 179 об.), *въверже — прогесить* (л. 180 об.), *порази — перкусси(т)* (л. 180 об.), *ста — стети(т)* (л. 182), *призрѣ — аснежить* (л. 182 об.), *сѣзда — креавит* (л. 184), *объведе — циркумьдусить* (л. 184 об.), *бысть — футит* (л. 184 об.), и т. д. Наряду со славянскими формами аориста 3-го л. ед. ч. неоднократно встречаются русские с наращением *-ть/-тъ*, например: *скрушить — контриви(т)* (л. 178 об.), *пожреть — деворави(т)* (л. 181), *приат — обтинуить* (л. 181 об.), *простреть — еѣпандить* (л. 184 об.), и т. п. Однако русских форм аориста 3-го л. ед. ч. в тексте относительно немного. Создается впечатление, что употребление их вызвано — по недосмотру переводчика — смешением их в ряде случаев с формами будущего времени, особенно при соседстве в тексте латинского перфекта и футура. В частности, приведу как пример следующие ситуации: *лев тако скрушить скончаеши (интерфисиешь) мя* (л. 178 об.); *извлеку (евагинабо) мечь мои и погубить (интерфисиешь) их рука моя .. пожреть (деворави(т)) их земля* (л. 180). Кроме того, необходимо отметить, что для латинских глаголов первого и второго спряжения замена «перфект — футур» могла быть обусловлена и особенностями латинской средневековой фонетики, когда в интервокальном положении *b* могло прочитываться как *v*¹² — и соответственно суффиксы *-v-* и *-bi-* в 3-м л. ед. ч. и 1-м л. мн. ч. могли проявляться как омофоны. Чудовская Псалтирь содержит также и случай исправления русской формы аориста на славянскую. На л. 193 (Символ веры Афанасия Александрийского) в первоначально русской форме *сидеть* (*дессендить*) вычеркнуто окончание *-тъ*.

В соответствии аориста латинскому перфекту 3-го л. мн. ч. каких-либо особенностей не выявлено, поэтому для иллюстрации ограничусь лишь рядом примеров: *намѣстиша — локаверунт* (л. 179 об.), *сидоша — десендерунт* (л. 180 об.), *възнесошася — азсендерунт* (л. 181 об.), *прияха — оптинерунт* (л. 181 об.), *растаяшася — обригуерунт* (л. 181 об.), *видѣша — видерунт* (л. 182 об., 190), и т. д.

Соответствия аориста латинскому перфекту в пассивной форме выявлены для 3-го л. ед. и мн. ч., при этом нет различия между пассивной формой активных глаголов и депонентными глаголами; как правило, и те и другие переводятся активной формой возвратных глаголов. Например: *бысть — фактусъ есть* (л. 178, 180 об.), *препоясашася — аксин(к)ти*

¹² См. Гурычева М. С. Народная латынь. М., 1959. С. 36; Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. М., 1949. С. 84–85; Battisti C. Avviamento allo studio del latino volgare. Bari, 1949. P. 153–155; Bonioli M. La pronuncia del latino nelle scuole dall'Antichità al Rinascimento. Torino, 1962. P. 48–53; Devoto G. Storia della lingua di Roma. Bologna, 1944. P. 340; Grandgent C. H. Introduccion al latin vulgar. Madrid, 1970. P. 200–201; Herman J. Du latin aux langues romanes. Études de linguistique historique. Tübingen, 1990. P. 19–22; Kent R. G. The sounds of latin. A descriptive and historical phonology. Baltimore, 1945. P. 51; Parodi E. G. Del passaggio di *V* in *B* e di certe perturbazioni delle leggi fonetiche nel latino volgare // Romania. 1898. T. 27. P. 177–183.

сунт (л. 179 об.), насытишася — сатурати сунт (л. 179 об.), изнеможеся — иньфирмата есть (л. 179 об.), възвеличися — магнификата есть (л. 180 об.), събрашася — конгрегате сунт (л. 181), прогнѣвашиася — ирати сунт (л. 181 об.), смутишася — контурбати сунт (л. 181 об.), внидошия — иньгресу(с) есть (л. 182), сътрошася — контрити сунт (л. 182 об.), съгорбишася — инькурвати сунт (л. 182 об.), раздражися — конситату(с) есть (л. 185). Однако в нескольких случаях перевода пассивных глаголов (характерно, что подобные случаи для депонентных глаголов не отмечены) ожидаемый славянский аорист сопровождается «избыточной» связкой, как то неоднократно отмечалось в переводах «латинских» книг Геннадиевской библии.¹³ Как справедливо было отмечено Г. Фрайдхофом,¹⁴ наличие избыточной связки обусловлено присутствием глагола-связки в латинском тексте. В нашем тексте подобные ситуации суть следующие: възнесеса есть — есселсу(м) есть (л. 178), потопоша суть — субмерси сунт (л. 181), събрашася суть — коньгрегате сунт (л. 181). Последний случай следует подчеркнуть особо, поскольку на одном и том же листе глагол събрашася в соответствии латинскому коньгрегате сунт употребляется и со связкой, и без.

И наконец, лишь четырежды на протяжении всего подстрочного перевода аорист выступает как соответствие латинскому имперфекту: уповах — сперабамь (л. 178 об.), основах — ордирер (л. 178 об.) и бѣ — ерать (л. 184 об., 185 об.).

Употребление славянского перфекта более ограничено. Систематически он используется лишь для перевода перфекта 2-го л. ед. ч. латинских глаголов, независимо от того, активный или депонентный глагол употреблен в тексте. При этом последовательно используются формы славянского перфекта со связкой еси, например: прогневался еси — иратусь есь (л. 178, 182 об.), утешил еси — консолатусь есь (л. 178), о(т)вергл еси — прогесисти (л. 179), посла(л) еси — мизисти (л. 180 об.), простерл еси — естендисти (л. 181), бы(л) еси — фуисти (л. 181), съдѣлал еси — оператусь есь (л. 181 об.), и т. д. Лишь единожды, очевидно, по недосмотру переводчика или писца, в тексте встретила форма *l*-причастия без связки для обозначения 2-го л. ед. ч.: избавил — еруисти (л. 179).

Отмечено лишь три случая соответствия славянского перфекта активному латинскому глаголу в 3-м л. ед. ч.; во всех случаях перфект выражен лишь *l*-причастием без связки: положил — позуит (л. 180), съхранил — кустодивить (л. 184 об.), възлягал — рекалситрави(т) (л. 185).

Однако более последовательным можно считать перевод славянским перфектом со связкой латинских пассивных и депонентных глаголов. Приведу такие примеры: възвратил есть — коньверсус есть (л. 178), прославился есть — онорификатусь есть (л. 180 об.), измѣри(л) есть — мемсусь есть (л. 182 об.), утыл есть — инькрасатусь есть (л. 185), глаголал есть — локутусь есть (л. 188 об., 189 об.), пострада(л) есть — пассусь есть (л. 193).

К этим случаям примыкают переводы латинского перфекта пассивных и депонентных глаголов, в которых (переводах) употребляется не «перфектное» *l*-причастие, но пассивное претеритное причастие, например: преобращен есть — коньволута есть (л. 178 об.), пресѣчен есть — пресиза есть (л. 178 об.), възнесен есть — еѡалтату(м) есть (л. 179 об.), изнемо-

¹³ См., в частности Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы СПб., 1903 С 255, Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien S 109—110

¹⁴ Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien S 110

жен есть — суператусь есть (л. 179 об.), *потоплени суть — субьмерси сунт* (л. 180 об.), *сѣдѣлана суть — кондита сунт* (л. 186 об.), *скончани суть — коньсу(м)мѣти сунт* (л. 186 об.). Подобные формы отмечены как характерные для перевода депонентных глаголов Геннадиевской библии.¹⁵

Формы славянского имперфекта отмечены в случаях перевода имперфекта латинского, для глаголов 3-го л. ед. и мн. ч. В частности, следующие случаи: *имаше — аебат* (л. 179 об.), *раздѣляше — дивидебат* (л. 184), *разлучаше — сепарабат* (л. 184), *пиаху — биберент* (л. 185), *не вѣдяху — игнорабант* (л. 185), *имѣаху — аебант* (л. 186 об.). В переводах Геннадиевской библии славянский имперфект также соответствует почти исключительно имперфекту латинскому.¹⁶ В нашем тексте лишь однажды встретился случай перевода формой славянского имперфекта латинского перфекта 3-го л. ед. ч.: *ношаше — портавит* (л. 184 об.).

В целом подстрочный перевод библейских песен в Чудовской Псалтири представляется несколько более свободным, нежели перевод «латинских» книг Геннадиевской библии; во многом отступает он и от латинско-русской грамматики Доната. Ситуация эта интересна и, как представляется, для исследователя неожиданна, поскольку именно от интерлинейарного перевода можно было бы ждать абсолютного соответствия перевода оригинальному тексту. Однако, очевидно, этот факт может объясняться тем, что целью переводчика было не создание абсолютно тождественного латинскому тексту,¹⁷ а передача (предельно близко к оригиналу) содержания незнакомому с латынью славянскому читателю. В таком случае ответ на вопрос, было ли назначение Чудовской Псалтири чисто учебным, вполне может оказаться отрицательным. Однако сейчас давать этот ответ еще рано. Можно лишь выразить надежду на скорое (планируемое в ближайшем будущем Витторио Томеллери и автором настоящей статьи) осуществление издания полного текста этой рукописи, а также на дальнейшие исследования этого памятника как в чисто филологическом, так и в культурно-историческом аспектах.

¹⁵ См Ibid S 116

¹⁶ См Ibid S 107—108

¹⁷ В предисловии к Грамматике Доната Дмитрий Герасимов отмечает, что «нѣкие имена и проимена и слова и пре(д)логи и причастия и союзы и пре(д)ставления и различия неудобь превра(т)ныа на наш язык» (Яги ч И В Донатус в русском переводе Дмитрия Толмача и других // Яги ч И В Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке СПб, 1885—1895 С 818) Н В Геппенер в связи с этим высказыванием Дмитрия Герасимова задавался вопросом о недостижимости абсолютно буквального перевода как *идеала* (см Геппенер Н В К истории перевода Повести о Трое Гвидо де Колумна // Сб статей к 40-летию деятельности А С Орлова Л, 1934 С 357)